

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ

МОЯ ЖИЗНЬ
В
ИСКУССТВЕ

М О С К В А

Титульный лист и фронтиспис первого советского издания

А. Кроленко

К ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ «МОЕЙ ЖИЗНИ В ИСКУССТВЕ»

По моей работе в качестве заведующего издательством «Академия» мне пришлось принимать участие в первых изданиях книги К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве». В связи с этим я несколько раз лично встречался с Константином Сергеевичем и имел с ним беседы. У меня сохранились записные книжки и дневники, позволяющие довольно точно восстановить содержание этих бесед; они могут представить полезное дополнение к уже опубликованным материалам.

В начале сентября 1924 года ко мне в издательство зашел Абрам Маркович Эфрос, с которым мы в то время вели переговоры о его сотрудничестве в задуманной нами серии театральных мемуаров. Эфрос сообщил, что в Москву после двухлетней зарубежной поездки с театром по Америке и Европе только что вернулся К. С. Станиславский. За время поездки он написал и издал в Америке на английском языке свои мемуары, которые собираются сейчас опубликовать в СССР. Он выбирает подходя-

щее издательство и упомянул как-то, что ему симпатично издательство «Академия». «Я не сомневаюсь, — добавил Эфрос, — что эта замечательная книга должна вас очень заинтересовать, и, если хотите, я могу устроить вам встречу с автором для более подробных переговоров. Об этой книге очень много говорят в театральных кругах, и ее появления у нас ждут с большим нетерпением».

Встреча моя со Станиславским состоялась через несколько дней в помещении Художественного театра, как раз в день открытия нового сезона — 11 сентября 1924 года.

Эфрос познакомил нас, и Станиславский пригласил меня в маленький, скромно обставленный кабинет в театре. «Здесь мы можем с вами спокойно, без помех побеседовать», — сказал он.

Лично я со Станиславским до этого знаком не был. Меня поразила в нем какая-то очень эффектная благородная величественность, внутренняя вдохновенность и интеллектуальная сосредоточенность, причем все это сочеталось со скромностью

(почти застенчивостью), простотой и сердечностью в обращении.

Я рассказал Станиславскому о намерении издательства «Академия» подготовить и издать серию «Театральных мемуаров» и прибавил, что мы не могли бы представить себе большей удачи, чем возможность начать серию его книгой. Станиславский очень внимательно меня выслушал и, задумавшись немного, сказал:

«Во избежание недоразумений нам необходимо сразу же внести в дело точность и ясность. Хотя я сам обычно называю свою книгу мемуарами (иногда ее даже называют автобиографией), но это название очень условно и может создать неправильное представление о книге. Боюсь, что рассчитывая моей книгой открыть серию театральных мемуаров, вы тоже находитесь под влиянием такого неправильного представления о ней. Чтобы полностью ориентировать вас в этом деле, я должен более подробно посвятить вас в мои литературные планы».

Свои тогдашние литературные планы Станиславский изложил так: «Я прошел большой и тернистый путь театральной работы и чувствую, что настало время подойти к определенным выводам, подвести итоги моей многолетней деятельности в качестве актера, режиссера, организатора театрального дела. Я собираюсь это сделать в большом труде, состоящем из трех тесно связанных между собой частей. Первая часть — это история моих театральных опытов и исканий, удач и ошибок, то, что условно называют моими театральными мемуарами. Вторая и третья части — это обстоятельное изложение моих проверенных на опыте выводов и обобщений, моя режиссерская и актерская система, так называемая «система Станиславского». Свою систему я хочу изложить в двух сочинениях. В одном из них дается описание идеальной театральной жизни, некоей воображаемой лаборатории актера и режиссера — такой, как она должна быть. Мне рисуется эта часть как роман из театральной жизни или, во всяком случае, как художественное произведение, посвященное такому театру, где моя система получает свое осуществление. Это история одной конкретной постановки, протекающая в совершенно реальных условиях, в конфликтах, в преодолении всякого рода препятствий, в борьбе с различными видами наших театральных пороков. Другое произведение, посвященное моей системе, — это свод обобщений и формулировок, изложение теории, существа системы. Но и эту часть я представляю себе отнюдь не в виде ученого труда или учебного руководства, а хочу и ей придать живой характер. Это повседневные записки пытливого, еще не совсем сложившегося режиссера, которому я даю фамилию «Рассудов». Работая вместе с главным режиссером «Творцовым», он ведет очень подробный дневник. Все положения системы возникают здесь не как навязанные извне догматические предписания, а вырастают и перерабатываются в творческой психологии молодого режиссера.

Говоря о трех сочинениях, трех частях общего труда, я даю его логическую схему. Сколько здесь получится конкретных книг, мне сейчас сказать трудно, но материал огромный, вероятно, много тысяч страниц. В каком виде это скомпоновать для издания — видно будет впоследствии. Я хочу только подчеркнуть, что все эти части составляют единое и неразрывное целое, и каждая из частей

только в целом, в сочетании с остальными частями, получает свой подлинный смысл и значение.

Замысел этого большого труда возник у меня давно и вынашивается много лет, но, признаюсь, многое в этом замысле и сейчас еще недостаточно оформилось и, вероятно, в процессе работы будет подвергаться изменениям. Написана у меня пока что только первая часть. Вам, надеюсь, после раскрытия всего моего замысла должно быть ясно, что это не мемуары в обычном понимании. Это книга об актерском творчестве, написанная в форме исповеди самого актера, рассказа о его поисках и находках, удачах и провалах, о его неустанном стремлении осмыслить свое творчество, найти его внутренние законы и тайну воздействия на зрителя. Поскольку основной материал книги — впечатления и переживания самого автора, постольку это, разумеется, мемуарный, документальный материал, но он подобран на строго заданную тему, по одному определенному принципу. Я пытаюсь отразить это в заглавии моей книги «Моя жизнь в искусстве». Это название далось мне не сразу, не сразу оно было принято моим американским издателем, подхитившим к заглавию с коммерческой точки зрения. Мне говорят, что это заглавие вызывает в памяти известное религиозное сочинение «Моя жизнь во Христе». Что же, эта ассоциация, если она у кого появится, не вредит. Наоборот, она подчеркивает проводимую в моей книге идею искания и подвигов, идею служения высокой задаче.

По поводу имеющегося сейчас в моем распоряжении текста книги должен сообщить следующее. Уезжая в гастрольную поездку за границу, я решил все свободное время там посвятить работе над книгой и взял с собой все свои записки и заготовки. Вскоре после начала наших гастролей в Америке я получил от одного американского издательства (солидной издательской фирмы в Бостоне) предложение передать им для издания на английском языке мою книгу воспоминаний. О том, что я работаю над ней, они узнали из моего интервью, и это сразу стало предметом широкой огласки в американской прессе, которая, нужно сказать, вообще уделяла нам много внимания. Я принял предложение американского издательства — меня оно соблазнило как толчок к скорейшему окончанию моей работы, как хорошее средство перевести эту работу из «занятия на досуге» в срочное и необходимое дело. В издательских делах я разбираюсь очень слабо и легкомысленно принял на себя довольно жесткие сроки сдачи рукописи, нарушение которых по договору налагало на меня неустойку. За свое легкомыслие я жестоко поплатился. Мне пришлось в течение всего 1923 года работать с большим напряжением в условиях занятости театральными делами, в разгаре всяких забот и волнений, неизбежных в большой гастрольной поездке. Впрочем, работа пошла хорошо. Уже весной до окончания гастролей мне удалось кое-что сделать, а летом во время перерыва в гастролях, живя на отдыхе в Европе, я успел сделать большую часть книги. Работалось с подъемом, легко, и я получал большое удовлетворение. Хуже обстояло дело осенью, когда мы вернулись для продолжения наших гастролей в Америку и когда приблизились сроки сдачи рукописи. Я с ужасом убедился, что необходимо еще очень много работать над отделкой рукописи. А между тем сроки сдачи рукописи наступили, издатели стали нажимать и напоминать

ю неустойке. Положение мое осложнялось еще тем, что из-за болезни глаз возможность заниматься письменной работой была у меня очень ограничена. Тут я впервые убедился, что писательский труд еще тяжелее актерского. Хотя я и вышел с честью из своего трудного положения и сдал рукопись в срок, но меня мучило сознание, что кое-где пришлось поступиться основательностью и солидностью труда. Правда, издатели держались по этому вопросу другого мнения. Больше всего они боялись, чтобы я не пересолил в глубокомыслии. Уже на стадии предварительных переговоров они настойчиво инструктировали меня относительно умелого подхода к американской публике. Учтите, говорили они, что у вас, у русских, совсем другой склад ума, другая психология. Вы подходите к вашей теме чрезвычайно серьезно, трактуете ее очень странно и глубокомысленно. Американский читатель этого не принимает, ему это скучно. Русский автор, собираясь написать книгу для американского читателя, должен писать так, как он в России писал бы для читателя детского или юношеского возраста.

«Мне, — продолжал Станиславский, — эти соображения и советы сначала показались интересными, и я старался в меру сил следовать им. Не знаю, удалось ли мне завоевать интерес американского читателя, но, пересматривая сейчас свой текст, я убеждаюсь, что для нашего читателя он не годится. О том, чтобы печатать этот текст без изменений, не может быть и речи. Рукопись нужно основательно переработать. Во-первых, нужно выбросить многие подробности, включенные, чтобы пояснить американскому читателю те обстоятельства русской истории и русской театральной жизни, без знания которых ему останется непонятным, о чем я говорю. Во-вторых, самый подход к ряду вопросов в тексте американского издания покажется нашему читателю недостаточно углубленным, недостаточно выясненным. Американские издатели показали в свое время неплохое понимание психологии русского читателя и его требований.

В американском издании моя книга имеет объем около 35 листов. Она вышла в мае этого (1924) года в количестве 5000 экземпляров на условиях выплаты мне в качестве гонорара 30 процентов с номинальной цены по мере распродажи книги».

Константин Сергеевич продемонстрировал мне экземпляр американского издания своей книги и с похвалой отозвался о ее внешнем оформлении. Книга издана в сравнительно большом формате, в каком в Америке издаются книги по искусству, и имеет солидный, добротный вид. При большой строгости оформления она выглядит богато. На суперобложке пониже заглавия напечатана краткая аннотация в характерном для американских издательств стиле: «Воспоминания великого русского актера, руководителя Московского Художественного театра, блестящая увлекательная автобиография, на страницах которой проходят ряд великих представителей литературы и театра». На одной из начальных титульных страниц имеется такое авторское посвящение: «Эту книгу я с благодарностью посвящаю гостеприимной Америке, как знак памяти о Московском Художественном театре, которому здесь был оказан такой сердечный прием».

Мы расстались с Константином Сергеевичем, условившись о дальнейших встречах для оформления издательского договора. К сожалению, обстоятельства сложились иначе, и по причинам, не за-

висающим от моего доброго желания, издательство «Академия» не получило возможности подписать со Станиславским договор на первое издание его книги. Я извещил его об этом, выразив готовность помочь ему договориться с другим издательством. Константин Сергеевич поручил переговоры по этому вопросу А. М. Эфросу, и дело было довольно быстро улажено.

Издание книги принял на себя книжный магазин издательства «Экономическая жизнь». Магазин «Экономическая жизнь» был связан с существовавшей тогда в Москве и развивавшей широкую научную и общественную работу государственной Академией художественных наук, сокращенно именовавшейся ГАХН. Договорились о том, что книга «Моя жизнь в искусстве» будет изданием ГАХН, а в части хозяйственной и технической будет осуществляться аппаратом магазина «Экономическая жизнь», на склад которого поступит тираж издания.

В начале октября 1924 года был подписан издательский договор, по которому Станиславский выговорил себе трехмесячный срок для сдачи рукописи, а издательство обязывалось выпустить книгу в первой половине 1925 года. На деле издание книги пошло с большими задержками и осложнениями, и книга вышла в свет только в сентябре 1926 года. Судьба этого издания меня очень интересовала, и, бывая в Москве, я узнавал о ходе работы и от издательства и частично от автора и его друзей.

По подписании договора Константин Сергеевич энергично принялся за подготовку книги, перерабатывая текст американского издания. К декабрю он успел сделать около половины книги, но как раз более легкую часть — домхатовский период. Любовь Яковлевна Гуревич — большой друг Станиславского — в декабре 1924 года рассказывала мне о ходе работы. Она сообщила, что первая часть книги уже сделана (автор послал ей эту часть для ознакомления) и произвела на нее необычайно сильное впечатление. Это одновременно и ценнейший театральный материал и блестящее произведение художественной литературы. О своем впечатлении она сразу же написала Станиславскому.

Два месяца спустя, в феврале 1925 года, беседа с представителем издательства «Экономическая жизнь», я поинтересовался, как идет издание книги «Моя жизнь в искусстве». Мой собеседник пожаловался, что дело идет не очень гладко. В январе (срок сдачи рукописи) Константин Сергеевич сдал часть книги и попросил отсрочки на месяц. Он согласился теперь же передать в набор готовую часть, объемом около 12 листов. Набор был выполнен в 10 дней, и корректура была послана автору. Типография, согласно договору, требует следующую порцию оригинала, а автор вдруг заявляет, что у него работа не клеится и что он не может сейчас указать точный срок сдачи остальной части рукописи. Мы говорим, что понесем большие убытки, так как связаны с типографией договором и неустойкой, и вынуждены будем отнести убытки за счет автора. Он расстраивается, обижается и предлагает порвать отношения. Беда иметь дело со знаменитыми артистами. Придется смириться и отдать себя на милость авторского вдохновения.

Несколько дней спустя я встретился в ГАХН с Л. Я. Гуревич и передал ей этот разговор. Любовь Яковлевна признала, что формально издатели правы, но вообще ведут себя неумно, и их способ воз-

действия на автора только ухудшает дело. Константин Сергеевич, при его щепетильности и аккуратности, болезненно переживает задержку в выполнении обязательств, но ведь нужно понимать, что эта задержка связана с углубленной работой над текстом. Станиславский всячески старается сократить сроки, но это не всегда ему удается и это не в его силах.

Ввиду создавшегося положения Любовь Яковлевна предложила Константину Сергеевичу свою помощь. Вся дальнейшая работа по выпуску книги происходила при ближайшем ее участии. Об этой своей работе она вкратце упоминает в своих воспоминаниях о Станиславском. Да и сам Константин Сергеевич неоднократно и с большой теплотой благодарил ее за помощь. Это нашло отражение и в некоторых его письмах и в трогательной дарственной надписи на преподнесенной ей книге, после выхода ее в свет.

Однако, несмотря на помощь Л. Я. Гуревич, работа Константина Сергеевича над корректурой и переделками текста очень затянулась. Ровно через год, в феврале 1926 года, директор книжного магазина «Экономическая жизнь» с сокрушением говорил мне, что он не видит никакого просвета в продвижении этой долгожданной книги. Уже после сдачи рукописи в окончательном виде Станиславский правил рукопись самым основательным образом — и не только в гранках, но и в верстке, вынуждая сплошь и рядом делать новый набор. Уже после того как корректура была несколько раз тщательно выправлена, внесены все вставки и поправки, автор начал менять композицию книги, то есть разбивку на главы, то разбивая одну главу на две, то соединяя две главы в одну. Приходилось переверстывать книгу, менять нумерацию глав и всю пагинацию. А затем снова — вставки, изменения и опять все идет прахом...

На мой вопрос, как сказало на ходе издания участие такой опытной издательницы и журналистки, как Л. Я. Гуревич, мой собеседник ответил, что Л. Я. Гуревич действительно в издательских вопросах разбирается отлично, но ее участие не только не упрощает, а скорее еще более осложняет дело, так как она относится к книге с благоговением и считает, что ради авторского усовершенствования можно пренебречь такими мелочами, как увеличение издательских расходов и затягивание сроков выпуска книги. На это я, к некоторому неудовольствию моего собеседника, заметил, что своим отношением к книге Л. Я. Гуревич заслужит благодарность и современников и потомков, невзирая на сопряженные с этим издательские невзгоды.

В начале 1926 года я имел разговор с Л. Я. Гуревич на эту тему и выразил ей удивление, что, несмотря на ее квалифицированную помощь, издание книги все же так непомерно затягивается, вызывая не только справедливые жалобы издательства, но и нарекания нетерпеливо ожидающих книгу читателей.

— У вас неправильное представление о характере той помощи, какую я оказываю Константину Сергеевичу, — ответила Любовь Яковлевна. — Если бы это был не Станиславский, я, может быть, осмелилась бы сделать за него часть работы. Но я отношусь к творческой индивидуальности автора с таким поклонением, что не позволю себе ни малейшего вторжения в его творческий процесс, а ограничиваюсь лишь замечаниями и советами и различ-

ными видами технической помощи. Константин Сергеевич поглощен театральными делами, имеет возможность писать и править свою книгу только урывками. Кроме того, он вообще автор медлительный и взыскательный, и торопить его — дело безнадежное. Мое участие в его работе Константин Сергеевич так преувеличивает, так трогательно благодарит меня за каждую мелочь и так превозносит мои заслуги перед общими знакомыми и друзьями, что у многих создается впечатление, будто я являюсь чуть ли не соавтором его книги. Это не имеет ничего общего с действительностью. Я просто не придумую, как мне внести ясность в это дело и опровергнуть всякие преувеличения моих заслуг. Сейчас работа по изданию книги «Моя жизнь в искусстве» идет к концу, она скоро выйдет в свет, и могу вас заверить, что в ней все написано самим Константином Сергеевичем.

Книга вышла в свет и поступила в продажу в сентябре 1926 года. Процесс печатания затянулся более чем на полтора года! Внешне издание это выглядело скромно, без претензии на роскошь. Художественное оформление книги было выполнено искусным графиком Б. Б. Титовым.

Книга была издана по теперешним нашим масштабам очень небольшим тиражом — в количестве всего 6 тысяч экземпляров. Нужно отметить, что, несмотря на шумный успех, какой эта книга, естественно, имела при своем выходе, распродажа тиража прошла не так быстро и вопрос о выпуске в свет нового издания возник лишь через год с лишним, в самом конце 1927 года.

За то время, пока печаталось первое издание книги, я встречался с К. С. Станиславским несколько раз. Каждый раз при встрече я заводил разговор об издании книги его зарубежных впечатлений (особенно о гастролях театра в Америке, о которых он мне кое-что рассказывал при первой нашей встрече). К сожалению, Константин Сергеевич уклонялся от разговоров на эту тему, ссылаясь на то, что должен сначала развязаться с затянувшимся изданием своей первой книги. Лишь однажды, осенью 1925 года он разговорился на эту тему более подробно и признался, что понемногу работает над своими «Американскими записками» и что временами материал представляется ему острым и интересным. Однако от моего предложения заключить, не откладывая, договор на издание этой книги Константин Сергеевич решительно отказался, ссылаясь на то, что заниматься этой работой сейчас не может.

Станиславский успел все же написать довольно много, но работа так и осталась незаконченной (сейчас эта незаконченная работа опубликована в Собрании сочинений Станиславского).

После довольно длительного перерыва, мы вновь встретились с Константином Сергеевичем 20 октября 1927 года в Москве, в московском отделении издательства «Академия». Оно помещалось на Тверской (ныне ул. Горького), 26, в доме, который был снесен при перепланировке. Контора издательства помещалась над книжным магазином, куда, как мне говорили сотрудники, Константин Сергеевич часто заходил посмотреть книжные новинки. Поднявшись ко мне, заведующий магазином сообщил, что Константин Сергеевич находится в магазине, и узнав, что я в Москве, выразил желание поговорить со мной. У меня в это время находился Михаил Александрович Чехов, с которым мы обсуждали замечания ре-

цензентов на его рукопись «Путь актера, написанную им по заказу нашего издательства для серии «Театральные мемуары». Услышав о приходе Константина Сергеевича, Чехов как-то очень сконфузился, смешался и попросил разрешения незаметно удалиться. Это оказалось невозможным, так как выход был только через магазин. Я себя чувствую очень неловко, объяснил Чехов, так как должен был бы Константина Сергеевича ознакомить с моей рукописью одним из первых, а до сих пор этого не сделал.

Станиславский поднялся к нам, и М. А. Чехов, обменявшись с Константином Сергеевичем приветствием и несколькими общими фразами, поспешил откланяться. Константин Сергеевич уже знал о работе Чехова и поинтересовался отзывами.

— Вы знаете,— сказал он,— у меня какой-то страх перед исповедями и откровениями моих учеников. Они иногда подносят мне ошарашивающие сюрпризы, и как раз не критикой, а своеобразным истолкованием моих заслуг. Михаил Александрович — замечательный актер, интересный человек, но боюсь, что его «философия» не очень ясна и не очень убедительна.

Константин Сергеевич явно намекал здесь на увлечение М. А. Чехова теософией.

Станиславский сообщил мне, что несколько времени тому назад он получил от книжного магазина «Экономическая жизнь» извещение, что весь тираж книги «Моя жизнь в искусстве» распродан и что, следовательно, можно выпустить новое издание.

— По нашей договоренности с вами, я прежде всего обращаюсь с этим предложением к вам — выпустить второе издание моей книги в издательстве «Академия». Я собираюсь в самое ближайшее время внимательно просмотреть текст первого издания и внести все необходимые поправки. Заранее могу сказать, что изменений будет немного и они будут последними и окончательными.

Я заверил Константина Сергеевича, что издательство с большой готовностью примет за это дело, обеспечит самые краткие производственные сроки, и дело только за скорейшим получением авторского текста. Одновременно я поинтересовался его отношением к оформлению книги в первом издании. — Я не специалист в этих вопросах,— сказал он,— но ничего плохого об оформлении этого издания сказать не могу. Отзывы были по большей части положительными. Но, должен сказать, что я лично принимал в этом деле мало участия. Вышло как-то так, что со мной по вопросам оформления в издательстве мало советовались, да и мне показалось, что по неопытности я ничего существенного посоветовать не могу. Мне со всех сторон говорят, что книга очень проигрывает от отсутствия иллюстраций, которые, кстати сказать, не были даны по моему настоянию. Под влиянием многочисленных дружеских замечаний я несколько колеблюсь относительно правильности моей позиции. Мы с вами вернемся к этому вопросу в новом издании книги. Что меня определенно не удовлетворяет в первом издании — так это те украшения, которые издательство внесло в текст книги. Я совершенно не касаюсь их художественных достоинств и готов полностью их признать. Но в мою книгу их не надо было помещать. Они только по видимости связаны с моим текстом, но мало созвучны проводимым мной мыслям и, скорее, в качестве собрания различных театральных штампов, противоречат этим мыслям.

Долю вины в этом деле я должен взять на себя, так как сам согласился на их включение в книгу. На самом деле надо держаться твердого правила, что в книге, как в театре, должно исключаться все, что не имеет четкой смысловой задачи. Все лишнее, даже если оно совсем невинно, нужно считать вредным, уж хотя бы потому, что оно понапрасну отвлекает внимание читателей.

И тут же Константин Сергеевич сказал, что сейчас он целиком поглощен следующей своей книгой: «Работа актера над собой».

Под конец беседы Константин Сергеевич попросил познакомить его более подробно с нашей серией театральных мемуаров. Я показал ему вышедшие в свет книжки и рассказал о печатающихся. Константин Сергеевич сделал несколько ценных критических замечаний, но в общем отозвался весьма одобрительно об этом начинании.

Несмотря на желание Станиславского поскорее выпустить новое издание своей книги, он почему-то не очень торопился с оформлением этого дела. Договор был им подписан и отправлен в издательство только 20 марта 1928 года. Одновременно с договором в издательство должен был быть доставлен исправленный и подписанный к набору экземпляр книги. Этот экземпляр им не был прислан, и Станиславский в мае 1928 года через своего секретаря Р. К. Таманцеву известил меня, что просмотр книги для нового издания задерживается, но в июле МХАТ приедет на гастроли в Ленинград, и тогда Константин Сергеевич лично передаст просмотренный текст и одновременно обсудит со мной ряд вопросов, связанных с изданием.

Эта встреча состоялась 14 июля в помещении издательства и была посвящена обсуждению всех подробностей оформления издания, и в частности вопросу о помещении в книге иллюстраций. Всячески подчеркивая свою некомпетентность в вопросах издательской и печатной техники, Константин Сергеевич высказывал по этим специальным вопросам очень своеобразные и дельные суждения.

Константин Сергеевич решительно возражал против элементов «художественности» и во внешнем и во внутреннем оформлении книги и просил не привлекать художника даже для штриховых надписей. Он доказывал, что графические украшения требуют очень осторожного подхода и во многих книгах вообще не применимы, так как обычно вызывают отвлекающие от книги впечатления у читателя, а часто, и того хуже, навязывают читателю чувства и мысли, препятствующие правильному восприятию содержания книги. Внешнее оформление он сравнил с убранством зрительного зала и фойе в театре.

— Когда мы строили наше собственное театральное помещение в Москве,— сказал он,— мы немало копий поломали по вопросу о том, каким должно быть это убранство, и в конечном счете согласились на том, что не должно быть никаких украшений, ни даже каких-либо привлекающих внимание пятен или конструкций. Этот принцип должен быть соблюден и в книге, если она хочет воздействовать на читателя своим серьезным содержанием.

После оживленного обмена мнениями мы согласились с точкой зрения Константина Сергеевича, а он, в свою очередь, дал согласие на то, чтобы вместо сухих шрифтовых надписей фамилия автора и название книги на обложке и на переплете были даны в виде авторского факсимиле.

При обсуждении вопросов внутреннего оформления Константин Сергеевич остановился на выборе шрифта. В процессе печатания первого издания он, очевидно, приобрел некоторый опыт и не проявлял здесь той беспомощности, которая в свое время поразила Л. Я. Гуревич. Сличая между собой разные рисунки шрифтов, он высказал весьма тонкие соображения не только об их относительной четкости, но и их эмоциональном воздействии на читателя, в одних случаях повышающем чувство значимости текста, в других — явно снижающем его. Выбрал он крупное очко академического шрифта. В показанных ему образцах наших изданий он обратил внимание на принятую в большинстве наших изданий систему так называемых «живых колонн», то есть на проходящие через всю книгу сменные надписи сверху страницы, над текстом (слева — глава книги и ее название, справа — содержание отрывка или даже отдельной страницы). Эта система привела его в восхищение тем, что облегчала нахождение нужного места при беглом просмотре, и особенно тем, что давала читателю прекрасную общую ориентировку в материале. Такого рода система композиции страницы была по его просьбе проведена и в его книге.

Больше всего затруднений вызвал вопрос о помещении в новом издании иллюстраций. Константин Сергеевич высказал свои сомнения, но здесь издательством была проявлена настойчивость, и ему пришлось уступить, тем более, что и у него были некоторые колебания. Он заверил, что отнюдь не является принципиальным противником иллюстраций в книгах, наоборот, считает их во многих книгах абсолютно необходимыми и имеющими для читателя иногда даже большее значение, чем текст. Есть книги, где иллюстрации вполне уместны и в качестве материала развлекательного. Но в своей книге он считает возможным допустить иллюстрации только как познавательный элемент, помогающий более глубокому и правильному пониманию мыслей автора, но не как развлечение, не как украшение.

— О каких же иллюстрациях может идти речь в этих условиях? О моих портретах в разные периоды жизни? Возможно, что читателю эти портреты интересны, хотя скорее просто из любопытства, но мне, как автору, откровенно говоря, не по душе присущий этому элемент самолюбования. Вряд ли можно говорить серьезно о познавательном значении разных мелких документальных материалов — афиш, черновых записей, бытовых фото. Познавательного значения нельзя отнять у таких иллюстраций, как фотографии декораций, мизансцен, сценических образов. Они непосредственно связаны с текстом, поясняют его. Но здесь возникают сомнения иного порядка. В таких иллюстрациях всегда есть опасность искажения и обеднения того мате-

риала, какой они призваны иллюстрировать, опасность навязать читателю упрощенное и неправильное представление о тех сценических воплощениях, которые описываются и анализируются в книге. Воображение читателя при этом часто не обогащается, а ограничивается.

Мы пришли к заключению, что нужно с особой осторожностью и взыскательностью подойти к отбору иллюстраций, и Константин Сергеевич обещал поручить это дело музею театра, с участием Л. Я. Гуревич. Мы договорились, что общее число иллюстраций в книге должно быть не менее 70—80.

— Только имейте в виду, — добавил Станиславский, — я в предисловии непременно укажу, что иллюстрации включены в книгу не по моей инициативе, а по желанию издательства.

Заканчивая беседу, Станиславский заметил, что она была интересна для него тем, что показала ему наличие в книжном деле таких же сложных вопросов воздействия теми или иными средствами на читателя, как и в театре на зрителя. «Занимаются ли в издательствах специальной разработкой этих вопросов, или они у вас, как и часто в театре, решаются по интуиции, с оглядкой на талантливых одиночек?» — спросил Константин Сергеевич с лукавой усмешкой. Я ответил, что, хотя в этом направлении еще сделано очень мало, но необходимость иметь разработанную «систему» редакционно-издательского дела встречает все большее признание и здесь имеются уже некоторые перспективы.

В конце октября 1928 года, в дни празднования тридцатилетнего юбилея МХАТ, Станиславский тяжело заболел и на много месяцев был прикован к постели и изолирован от всяких дел. Книга печаталась без его участия. В январе 1929 года она вышла в свет и поступила в продажу.

Книга вышла тиражом 7200 экземпляров и была распродана в течение одного месяца, так что к концу года пришлось выпустить новое издание.

Константин Сергеевич имел возможность познакомиться со вторым изданием своей книги только в начале марта 1929 года. По сообщению лиц, имевших к нему доступ, он остался очень доволен изданием и многократно выражал свое восхищение. Об этом он писал к Л. Я. Гуревич в письме, датированном началом марта. Выражая ей благодарность за помощь, он пишет, что «книга вышла чудесной и всем нравится даже больше первого издания».

В издательстве «Академия» книга была переиздана еще четыре раза: в 1929 году, сразу же после распродажи второго издания, было выпущено третье издание, в 1931 — четвертое, в 1933 — пятое, в 1936 — шестое. Седьмое и последующие издания вышли уже в издательстве «Искусство».

